

50101-10) 0403
(англ.)

Валерию ЖЕРЕГИ

УТОЛИ МОЮ ПЕЧАЛЬ

Киноповесть

Окончание. Начало см. "ЭС", № 8, 2003 г.

С Джеком было радостно играть в волейбол – он становился в круг и, высоко подпрыгнув, мордой отбивал тряпичный мяч на самую крышу дома. Стремительно поднимался по лестнице, брал мяч в зубы и также быстро возвращался в круг, чтобы снова прыгнуть и ударить. Когда играли в футбол – не было равных вратарей.

Мама побелила стены дома. Все четыре угла были украшены узорами красной и зеленой краской. Джек расцарапал когтями угол дома, похожий на пограничный столб. Мама побила его мокрой тряпкой, и он виновато убежал в овраг. Когда вернулся, принес в зубах ржавую немецкую губную гармошку.

В селе достраивалась больница. К нам на время поселили двух молоденьких санитарок. К девушкам по ночам ходили ребята. Джек лаял и гонял их.

Однажды утром меня разбудили истеричные женские крики. Побежал к окну и увидел, как мама выталкивает со двора обеих санитарок, лохматых после сна, в ночных рубашках и босиком. Выпихнув их за ворота, мама села на землю и заплакала. Мы с сестренкой вышли на крыльцо и увидели у забора лежавшего на боку мертвого Джека с высунутым языком – его отравили.

Отец выкопал яму в рост собаки, мама постелила на дно цветастую тряпку. Уложили Джека, укрыли и закопали. Мы все плакали. Рядом с могилкой отец посадил деревце. Это была вишня. Скоро она дала цветы. И получились из них четыре вишенки – и отцу, и маме, и мне, и сестренке. От Джека...

В саду у бабушки я собирал с куста лепестки дикой розы для варенья. К вечеру бабушка вернулась из колхоза – на плече тяжелая тляпка, на ней висела пустая сумка. Остановилась посреди двора, усталым взглядом осмотрела все вокруг и, поняв, что дома никого нет, и никто ее не видит, засеменила к сараю. Там еще раз огляделась, опустила на колени и стала разгребать руками землю. Достала узелок, отряхнула и развязала. В нем была зеленая баночка вазелина. Она открыла ее, набрала на пальцы мазь и быстренько размазала вазелин по морщинистому лицу. Закрыла баночку, завязала узелок и закопала.

Открылись ворота, и во двор со скрипом въехала телега доверху груженная дровами. Кум из-под козырька застиранной кепки кинул короткий взгляд на бабушку, сплюнул в ладони, подставил плечо под телегу и, натужившись, громко крикнул – телега перевернулась, и на землю посыпались поленья. Кивком подозвал бабушку. Она послушно подошла. Только взялась за полено – кум с удивлением посмотрел на нее и приблизился. Прикоснулся пальцем к ее лицу, понюхал. Внимательно оглядел растерянную бабушку и поинтересовался: чем это она пахнет? Бабушка не ответила и сердито понесла полено под навес. Кум за ней, строго спросил еще раз. Она обратно к телеге, он опять за ней. Бабушка, изнемогая уже, перетаска-

ла все дрова, а кум все плелся следом, подозрительно разглядывал ее и упрямо больше не спрашивал...

Бабушка погасила лампу, еще раз перекрестилась и легла в свою постель. На другой кровати, лицом к стене, лежал кум и выщипывал ворсинки из шерстяного ковра. Тихим шепотом вспоминал про свою свадьбу в дождливый день, про то, как она, бабушка, принимала роды у его жены, про то, как весело крестины справили – катались на качелях, про молодую жизнь до войны, про деда с буханкой хлеба в окопе. И сказал в последний раз: "Не любишь меня..."

В первые весенние дни с лозы виноградника капал прозрачный сок. Кум – мой новый дедушка, показал мне, как плачет живая лоза, как нужно подрезать ее. Если не обрезать лозу сейчас, когда она плачет, не подвязать, – она погибнет; а у него уже не сгибается больная нога, и он не может дойти до виноградника на далеком от села холме. Я увидел слезы в его глазах.

В лунную ночь, когда бабушка уже спала, он тихо встал, оделся, положил на край стола свои документы, все деньги до копейки и, опираясь о посох, тяжело ушел со двора.

Дошел до железной дороги. Сел на рельсы, стал ждать. Наконец вдаль засветился прожектор локомотива. Кум вздохнул, перекрестился и лег, устраиваясь удобней. Холодная рельса больно забила в грудь. Яркий луч, длинный пронзительный гудок – и все!

Наша церковь была закрыта. Сбили крест с нее и вовнутрь сгружали колхозную пшеницу. На праздники село пустело – люди уходили в соседнюю деревню, где звенел колокол.

Невозможно было пройти по чужому переулку, чтобы мальчишки не свалили тебя в овраг, в колючие кусты. Мы ходили с синяками, хромали и ругались, как антихристы.

Однажды в село приехал молодой священник и поселился в домике при церкви. С ним была девочка – хрупкое тельце в сером платье, с распущенными волосами, молчаливая.

Молодой священник носил рясу и чуть кланялся, когда отвечал на приветствие селян; на его руке была настоящая татуировка. Он ходил по двору, беседовал со стариками, с детьми. И все узнали, как нам дальше жить: отремонтируем церковь, поднимем крест на купол и колокол поставим; каждый человек придет в на-

шу церковь не так, как раньше было, – с калачами и деньгами, а принесет икону, сделанную им самим, своими руками.

По вечерам люди стали собираться то в одном дворе, то в другом. Обсуждали ту или иную главу из Библии, делились мыслями, сновидениями. Учились друг у друга – что с чем смешивать, чтобы получилась нужного цвета краска, из какой ворсинки сделать кисточку, в каком одеянии представить того или иного святого.

На приступке сидел пожилой старик, облаченный в длинную мантию из красной материи, босиком, с поднятой правой рукой – он позировал сразу двум иконописцам.

В другом дворе художник уложил на траве завернутую в белую простынь жену, а трое голеньких детишек стояли на одной ноге, изображая ангелов.

Дети всего села были измазаны краской, известкой и глиной с головы до ног. Рисовали, рассуждали и думали вслух.

Бабки в черных платках сидели в стороне и не мешали, только радовались жизни – в деревне воцарился мир.

Пришел день, когда ударил колокол нашей церкви.

Празднично одетые люди с иконами, сделанными своими

руками, направились к церкви. Ворота торжественно открыла девочка в сером платье; ее глаза светились – я никогда еще не видел такие глаза.

Мы вошли в ухоженный двор, улыбались друг другу как братья. Вышел священник. С волнением подбирая слова, но не успев сказать – раздался рев мотора грузовика, идущего вверх, к воротам церкви.

Полуторка въехала во двор, оставляя за собой черные полосы на сочной траве. В кабине сидел НКВД, в кузове – милиционер, он кушал грушу. Мотор заглох выстрелом выхлопной трубы.

Все в тревоге посторонились; женщины прикрыли ладонями лица, маленькие дети нырнули головами в их широкие юбки. Я оказался рядом с девочкой в сером платье, ее чистые волосы пахли ладаном.

НКВД спрыгнул с подножки кабины. Спокойным голосом сказал, что он не собирается положить на стол партийный билет. Попросил по добру, по хорошему сложить иконы в кучу – и пальцем указал куда. Старики послушно стали складывать иконы, за ними остальные. Тем временем НКВД отвязал ведро из-под кузова, сушил шланг в бензобак и высосал оттуда ведро бензина. Облил иконы, зажег спичку и бросил. Послышался короткий, глубокий вздох, и лики на иконах окутались пламенем...

Мы с девочкой в сером платье крепко взялись за руки, наши пальцы сцепились. НКВД, увидев меня, сына учителя, подошел и протянул мне синий, крепко сжатый кулак, на котором блеснула на солнце надпись на часах: "Победа".

Девочка в сером платье сидела на берегу озера и плакала. Ей было жалко священника: "Он добрый – добрый человек, он приютил меня...". Я хотел успокоить ее, но не знал, как это делается. Спросил: откуда она и чья? Девочка натянула на колени платье и умолкла. На озере было тихо; блестяла гладь воды, и в ней отражались облака. "Я разговариваю с рыбами – они меня понимают", – сказал я, лег на землю лицом к воде и громко произнес певучее "Э-э-э!". Тут же на воде с коротким хлопом появилось множество мелких кругов, которые разошлись по озеру, смешались, потопили друг друга и скоро растаяли. Девочка рассмеялась и объяснила: "Рыбки тоже хотят воздухом дышать. Мордочку высунут вот так и дышат, дышат! Когда пугаются, ныряют и хвостиком бьют. Вот и круги на воде, вот и вся твоя любовь!". Она встала, сняла с себя платье и бросилась в воду. Девочка визжала и брызгалась. Я опять лег на землю, лицом к воде и произнес певучее "Э-э-э!".

Колхозный огород тянулся вдоль речушки. Мы с мамой помогали бабушке выполнять дневную норму – носили рассаду, сажали ее, поливали. Пришла и девочка в сером платье. Она появлялась там, где у людей было много работы. Не спрашивала никого – явится и молча начинает работать. Все уже ее, сиротку, знали и мирно принимали; кормили, а после работы давали в узелок, что осталось – хлебушек, мамалыгу, фасоль...

Мужчины разложили по полю длинные алюминиевые трубы и присоединили к ним поливные установочки. У речки включился тяжелый насос, плюхнуло в трубах, и сверху на нас полились струи воды, переливаясь в собственной раду-

Экран и сцена

ге. Мы купались под этим дождем, и на наши лица падали серебряные рыбки. В мелких болотцах и ручейках среди зеленых стебельков помидор и огурцов хлопали хвостиками живые рыбки.

Мы с девочкой собирали с поля рыбешки, бегом уносили к речке и выпускали их обратно в воду ниже по течению. Она сказала мне тихо, чтоб никто не слышал: "Ты никогда больше не смей меня на руки брать, я не маленькая..."

Пропал НКВД. Милиция искала его повсюду — обошли все дома, погреба, чердаки, сараи, овраги, поля и лес вокруг. Только на пятый день его нашли в покосившемся туалете — умер от кровоизлияния в мозг.

И пригодился крест, сделанный когда-то дедом в дождливую ночь...

Бочка на телеге, полная воды, булькала на ухабах. Воду нам возил старый еврей на своей телеге за двенадцать верст и не просил дорого — кто сколько может. Люди брали воду и клали в телегу, что могли: ношенные вещи, старую посуду, мятую гильзу от снаряда.

Мама опускала ведро в наш старый колодезь и несла ту воду домой. Окунала в нее поленья, бросала их в печку и поджигала. Дрова разгорались ярким пламенем — в ведре был керосин. Когда-то военные закопали глубоко в землю цистерны с керосином, потом тот полк перебазировали куда-то, а цистерны остались в земле, заржавели и потекли.

Моя младшая сестренка не давала жить — ходила за мной хвостом и позорила своими битыми коленками и растрепанными волосами, которые спадали на худые голые плечи. Я не брал ее с собой в овраг, где у нас с ребятами было полно серьезных дел, а она как тень, как привидение — тут же появлялась и ехидно объявляла строгий родительский наказ, чтобы мы играли вместе.

Однажды в летнем кинотеатре показали фильм "Колдунья". Афишу с образом колдуньи — облегающее платье, большие глаза и зеленые волосы, долго никто не срывал — она хорошо была приклеена к стене и, видно, никто не хотел раздрать на куски такую красоту. Другие афиши кино механик еще долгое время клеил рядом, пока колдунья не облезла и не полиняла совсем.

Эта женщина с зелеными волосами была, как любовь, которая придет когда-нибудь. Но я понимал, что такая мечта никогда не сбудется, ведь она жила в далеких от меня лесах и вообще я подозревал, что такой красоты не бывает, потому что это кино.

Под верандой нашего дома было много паутины, глины и ржавая коробка с зеленой краской. Я достал ту коробку, палкой размешал не совсем еще высохшую краску и решил создать из сестры подобие волшебной колдуньи, чтоб она была такой же красивой, и мне не стыдно было бы брать ее с собой. Масляную краску я наносил руками — длинные волосы становились тяжелыми, слипшимися, но зато зелеными, как у колдуньи. Теперь было можно разрешить сестренке плестись за мной, отставая всего на несколько шагов.

В овраге она участвовала в наших военных играх — сидела в засаде. Ее зеленые волосы сливались с листьями крапивы и враги не смогли обнаружить ее до самого вечера.

Мы явились домой, как возвращаются люди после войны,

— усталые, грязные, голодные. За день, на солнце краска застыла, и зеленые волосы превратились в такую твердь, как бывает, когда обжигают глиняные горшки; голова сестренки была как статуэтка. Мама почему-то не удивилась, что сегодня мы пришли домой не разными тропами, как всегда, а вместе, как брат и сестра. Она только охнула с испугу и хлопнула в ладоши. Говорила, говорила, потом ей надоело, и просто огрела меня метелкой по спине. Я не убежал и поэтому получил еще. Под стоны и вопли мама сунула голову сестренки в эмалированный таз с горячей водой. Хозяйственное мыло бесполезно пенилось и даже не окрашивалось. Тогда мама вынесла бутылку с керосином и решительно вылила его на окаменевшую голову ребенка. Она тщетно пы-

стрехой дома была установлена радиоточка. Хрипнуло что-то, и заиграла музыка — звучал аккордеон.

Мы с сестренкой сидели на крыльце и, сложив на коленях руки, заморожено слушали. Отец вспоминал, как в детстве до поздней ночи он стоял у забора дома лекаря и слушал, как играл на аккордеоне его толстый сын. Он погладил меня по голове.

Отец решил купить аккордеон.

Мы себе во многом отказывали — родители копили деньги. Помню, на столе четыре тарелки с горячим молоком, миска с солеными помидорами и буханка хлеба, которую выдавали отцу в день зарплаты.

И пришел тот день, когда отец вернулся из города и на его плече красовался немец-

кореоном на плече до ворот и долго смотрел мне вслед. По дороге в музыкальную школу я спускался в овраг и прятал в кустах аккордеон. Полдня копался в желтом иле, искал и находил простреленные гильзы, целые обоймы с патронами разного калибра — и румынские, и немецкие, и русские. Вечером возвращался домой с аккордеоном на плече. Отца еще не было — он брал дополнительные часы в вечерних классах, ночами подрабатывал на МТС — нужно было платить за музыкальную школу.

В класс заглянул учитель по флейте — высокий худой очкарик. Подозвал мою учительницу, она с готовностью прыгнула с подоконника и пошла к нему. Я остался один в пустом классе и долго ждал. Отложил аккордеон и вышел во двор — нигде учительницы не было. Услышал легкий стон. Подошел к сараю и посмотрел через щель с опущенными штанами тяжело дышал на шею моей любимой учительницы. Я все понял...

Отец провожал меня с ак-

тальась смыть зеленую красоту под раздирающий девчачий плач. Собака, учуяв опасность, подмяла хвост и с грохотом сунулась в глубь деревянной будки, где стала жалобно скулить.

Ужин остывал на столе. С чувством обиды я ушел за калитку, чтобы там, на пути, перехватить отца и предупредить его, какую неописуемую красоту обрела, наконец, моя сестра — с такой уже можно играть в войну, с такой не стыдно и в кино пойти.

Отец опоздал. Мама постригла сестренку налысо. Я смотрел на белую, как сметана, головку с заплаканными глазами и подумал, что завтра такую с собой не возьму...

Молодой священник стал электриком. С железными "когтями" на ногах он полез на столб и соединил провода, тянущиеся к нашему дому. Под

кореоном на плече до ворот и долго смотрел мне вслед. По дороге в музыкальную школу я спускался в овраг и прятал в кустах аккордеон. Полдня копался в желтом иле, искал и находил простреленные гильзы, целые обоймы с патронами разного калибра — и румынские, и немецкие, и русские. Вечером возвращался домой с аккордеоном на плече. Отца еще не было — он брал дополнительные часы в вечерних классах, ночами подрабатывал на МТС — нужно было платить за музыкальную школу.

Отец решил открыть в селе музыкальную школу для всех детей. Привез из города студента музыкального училища.

На прослушивании дети пели и танцевали. Я пришел со своим аккордеоном.

Моя учительница была красивой девушкой. Когда она играла на моем аккордеоне, и я видел, как мой инструмент поет, приликая к ее груди, у меня сразу начинала болеть спина. Мое дыхание замирало, когда она касалась моих пальцев, поправляя их на клавиатуре. Но особенно волнительно было, когда она садилась на подоконник и мечтательно смотрела на улицу, а я играл для

Настал день, когда к высокой ракете прибили афишу: "Музыкальная школа приглашает на концерт..."

Отец объездил на велосипеде все села вокруг, чтобы созвать всех родственников и знакомых на концерт, где будет играть его сын.

Я прибежал к учительнице и

попросил включить меня в концертную программу, убеждал ее, что за оставшиеся дни смогу подготовить любую сложную вещь, слезно просил разрешить хотя бы арпеджио сыграть. Она холодно отказалась. И тогда я признался, что полюбил ее. Она развела руками: "Ну, а об этом вообще не может быть и речи!". Не знала моя учительница, свидетелем чего мне довелось уже быть в мои двенадцать лет.

В день концерта я спустился с чердака, где прятался в зернах пшеницы с самого утра. Двор был полон сумок и плетеных кошелок с гостинцами — приехали родственники и учителя из соседних сел. Я вошел в дом, никого уже не было — все ушли на концерт. На кровати лежали глаженные белые штанишки с манжетами, белая рубашка с фермуаром и аккордеон. Не спеша, я одел все чистое, надел на себя аккордеон и вышел во двор. Сел на стул посреди двора и стал терпеливо ждать; по радиоточке транслировали концерт. Наконец, все кончилось. Мимо забора проходили празднично одетые люди.

Открылись ворота, и во двор вошел отец. За ним — мама в слезах. Следом — молчаливые, будто в чем-то виноватые гости и все наши родственники.

Отец шагнул вперед. С испугу я, что есть силы, растянул меха аккордеона и нажал на все его клавиши и басы одновременно. Это был как вступительный аккорд. И пальцы мои сами по себе, уже не заплетаясь, стали выводить мелодию мамини песни: "Тудорица не-...". Но отец не слышал это, он грозно приближался. Тут мама, чтобы спасти меня, звонко подхватила песню, и это остановило отца. Мама пела в полный голос, а родственники сначала робко, потом все громче и веселее, от всей своей доброй души стали подпевать и пошатываться в ритме трех четвертей. На все село звучала песня с нашего двора, и люди собирались у забора...

В ветвях огромного дуба нами было свито гнездо. Мы в нем хорошо вмещались вдвоем — я и девочка в сером платье. Мой чубчик в наказание был сострижен ножницами, и ключья волос торчали в разные стороны. В нашем "доме" был хлеб, и была вода, было одно одеяло на двоих, горела свечка, и в тайне от всех хранились боеприпасы.

...я стояла босиком на печке под деревом. Потерялась в лесу, долго шла — четырнадцать дней и еще две ночи. Ела ягоды, пила воду из озера. Потом мне стало холодно, заболело в груди, вот тут... Повторяй за мной: не гнушайся меня грешного, на твою бо милость уповаю, угаси ми пламень греховный и покаянием ораси иссохшее мое сердце, очисти ум мой от греховных помыслов, прими мольбу от души и сердца со вздыханием приносимую тебе. Утоли болезнь души и тела, утиши бурю злых нападений вражеских, отними бремя грехов моих, и не остави меня до конца погибнуть, и печалию сокрушенное сердце мое утешить...

Из гнезда торчали две наши головки лицами вверх, к луне. Нам не было страшно жить...